

ИГОРЬ МАРТЫНЮК,

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины

НАТАЛИЯ СОБОЛЕВА,

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины

**Символическая социальная реальность:
методологические подходы и практический
опыт изучения**

Abstract

With the help of the image-and-symbol space category, the authors show a growing role of the subjective factor as dominant in development of modern socium. This is crucial for theoretical and methodological basis formation of sociology in the 21st century because it determines the basic notions of sociology. The article describes how integral paradigms of sociological postmodernism reveal interrelations of open social structures and active social agents. The researchers prove the necessity of subject-subjective relations of different levels and social subjects to be involved into sociological studies. Basing on the data of empirical surveys, the authors present symbolic specific features of the image of Ukraine as Fatherland in the contemporary mass consciousness of its people.

Социология как наука об обществе по определению призвана давать рациональные объяснения всему тому, что происходит в человеческих общностях, истолковывать социальные реалии и деятельность людей, образующих то или иное общество, таким образом, чтобы можно было вывести определенные научные законы. Эти законы, в свою очередь, должны служить надежным основанием для дальнейшего познания природы общества, прогнозирования его возможных трансформаций, управления обществом в целом и его отдельными структурными компонентами, то есть целенаправленного влия-

ния для изменения или сохранения социального порядка в обществе в соответствии со сформулированными и теоретически обоснованными целями.

Как отмечает В.Ядов, “интерес к социальной теории обостряется в двух случаях: когда осознаются недостатки (непригодность) имеющихся теорий и когда в самом обществе возникают бурные изменения” [1, с. 11]. При этом он указал на то, что в постсоветском пространстве мы столкнулись с обоими этими обстоятельствами одновременно, что и придало нынешнему кризису социальной теории особую остроту.

Основоположники социологии считали, что законы социального мира так же объективны, как и законы природы. Но уже в конце XIX века стало понятно, что науки о природе и науки об обществе и культуре не тождественны по принципиальным методологическим основаниям. Представители неокантианской философской школы (В.Виндельбанд, Г.Риккерт и др.) усматривали радикальное различие между внешним миром, который мы познаем, и познающим сознанием, между ценностью и ее оценкой. Это привело к расколу в социальных науках и отделению позитивизма, с одной стороны, и феноменологии, герменевтики — с другой. Радикальное изменение взглядов на законы общества и существенное обновление социологических знаний сопровождалось увеличением количества школ, концепций, теоретико-методологических подходов и сделали очевидной необходимость структуризации уровней социологического анализа общества (выделения предметных областей макро- и микросоциологии, обоснования теорий среднего уровня) и определенной автономизации теоретического и эмпирического направлений социологического познания.

По мере осознания качественного усложнения процесса развития современного общества пришло понимание того, что естественно-исторический процесс все в большей степени становится социально-историческим и в нем усиливается роль субъективного фактора, определяющего ход исторических событий. Глобализация социальных процессов знаменует начало действительно всемирной (единой, всеобщей) истории, в пределах которой отдельные народы должны образовать подсистемы более общих региональных и глобальных систем (Ф.Фукуяма, И.Валлерстайн и др.).

Постоянно меняясь, социальная реальность обуславливает модификацию наук, отражающих и изучающих эту реальность. Возрастание роли и значения субъективного фактора является доминантной особенностью в развитии всего современного социума и потому имеет решающее значение для формирования теоретико-методологических основ социологии XXI века, определяя новое содержание базовых понятий социологической науки. Возможна ли в этих условиях единая социологическая теория? Или же таких теорий должно быть много? Можно ли адекватно интерпретировать одни и те же понятия в рамках этих теорий? Возможна ли мультипарадигмальность социологии с единым набором базовых понятий или же эти наборы могут быть совершенно различными? Наконец, существуют ли фундаментальные социальные константы, отражающие универсальные характеристики социального бытия и способные выступать опорными точками в реализации логики научного познания? Каковы они для социологии?

Эти вопросы приобрели особую актуальность в последнее время, вышли на передний план в процессе экспансии постмодернистского познавательного дискурса в социологическую рефлексию.

Все это требует новых определений предметной области социологии, задачей которой было бы изучение не только общества людей, но и “общественного” человека; при этом и общество, и человек должны выступать “равноправными” центральными категориями социологии, представляющими различные срезы социальной реальности. В социологической науке исторически сложились две основные методологические стратегии в зависимости от того, что служило исходным понятием — общество или личность. В первом случае предметом изучения социологии (в пределах так называемых структурных парадигм, применяемых для исследований на макроуровне) являются организация, функционирование и развитие общества как единого системного целого, социальная структура, социальные институты и т.д. Во втором случае речь идет об интерпретативных парадигмах, в рамках которых предметом исследования является индивид, личность, человек и которые основной акцент ставят на изучении и интерпретации человеческого поведения, его мотивов (причем преимущественно на микроуровне).

В *герменевтической традиции*, лежащей в основе всех интерпретативных (неклассических или постклассических, модернистских) социологических парадигм, толкование разных явлений жизни намного ближе к искусству, нежели к точному научному знанию в его позитивистском выражении, поскольку здесь присутствует стремление интерпретатора сохранить уникальное значение предметов и явлений в конкретном историческом, социальном и культурном контексте; главной целью является объяснение социальной реальности в сочетании с пониманием чужой индивидуальности; процесс интерпретации содержит правила, согласно которым должны строиться объяснения. В отличие от структуралистов представители интерпретативного подхода чаще всего вообще не ставят перед собой задачу “продуцирования знаний” в виде законов. *Социальных теоретиков-феноменологов* прежде всего интересует выявление закономерных связей функционирования общественных структур, знание способов, с помощью которых люди познают других людей, их поведение, выясняют и интерпретируют мотивы и значение их действий в социально-культурном, экономическом, политическом, языковом и других контекстах. Суть данного подхода заключается в изучении и интерпретации образцов типичного социального поведения людей, в процессе которого создается (конструируется) социальная реальность [см.: 2]. Наиболее полно *принцип конструктивизма в социальном познании* был сформулирован следующим образом: “Когда мы, наконец, формулируем в некоторой символической системе или языке то, что мы восприняли, результирующая символическая репрезентация содержит остаток стольких многих активных трансформаций социального опыта, что мы имеем полное право называть ее конструируемой реальностью” [3, с. 49]. То есть субъект конструирует социальную реальность, а социальный исследователь должен выстроить систему понятий, охватывающую множество субъективных систем разных социальных агентов. Методологический принцип объективности реализуется при этом в среде сообщества исследователей, своеобразной референтной группе, с которой каждый социолог постоянно взаимодействует и в социальной жизни, и в сознании.

Социологи, работающие в русле *феноменологической парадигмы*, исходят из того, что обстоятельства всегда субъективны, а ценностный мир каждого социального субъекта уникален и неповторим: отсюда следует, что ис-

следователь тоже не может быть абсолютно беспристрастным, а значит, не может быть и единого, универсального объяснения социальных реалий. Согласно такому пониманию, общество и его социальные институты по своей сути являются тем, чему сами люди придают значение. Это есть основанием для вывода о том, что понимание поведения и поступков людей возможно лишь на основе осмысления ими собственного поведения в конкретной ситуации. Суть этого методологического принципа сформулировал еще У.Томас в известном высказывании, получившем название “теорема Томаса”: если люди определяют какую-либо ситуацию как реальную, она действительно становится реальной по своим результатам.

В социологии уже предпринимались попытки преодоления методологического противостояния между структурными и интерпретативными парадигмами, устранения деления социологии на макро- и микроуровень, противопоставления объективно-ценностных подходов субъективно-ценностным. “Рассматривая вопрос о предмете социальной теории, надо подчеркнуть необходимость брать в расчет всю полноту жизни данного общества, а не произвольный отбор и предварительную изоляцию неких отдельных групп фактов. Мы уже видели, что противоположная процедура составляет одну из ошибок социологии здравого смысла. ... Все мы более или менее повинны в этой ошибке, но мы предпочитаем относить ее главным образом к Г.Спенсеру” [4, с. 343], — писали в начале XX века У.Томас и Ф.Знанецкий в своей этапной для социологии книге “Польский крестьянин в Европе и Америке”. И далее: “Мы имеем две фундаментальные практические проблемы, составлявшие ядро рефлексирующей социальной практики во все времена. Это: 1) проблема зависимости индивида от социальной организации и культуры и 2) проблема зависимости социальной организации и культуры от индивида. ... Если социальная теория должна стать основой социальной техники и действительно разрешить эти проблемы, то очевидно, что она должна включить оба задействованных в них вида данных, а именно объективные культурные элементы социальной жизни и субъективные характеристики членов социальной группы и что эти два вида данных должны быть взяты как коррелирующие” [4, с. 343].

Плодотворную идею интеграции структурных и интерпретативных парадигм развивают в последнее время П.Бурдьё (структуралистский конструктивизм), Н.Луман, А.Турен (социология действия — акционизм), Э.Гидденс (теория структуриации) и др. Предложенные ими подходы позволяют изучать эффекты возникновения порядка из “социальной плазмы” хаоса самоорганизуемых систем и, наоборот, эффекты дезорганизации, саморазрушения и распада общественных структур. Перспективное направление современной социологической теории, основанное на активистском, деятельностном подходе, развивают Дж.Александр (неофункционализм), М.Арчер, П.Штомпка (социология социальных изменений).

Классические теории и методологии в социологии ориентировались на изучение универсальных связей в традиционных обществах закрытого типа, в которых социальная система в целом и социальные институты в частности характеризовались весьма устойчивым социальным и культурным воспроизводством. Социология в рамках этих методологий не учитывала возможности непредвиденных случайных колебаний и саморегулируемых реакций социальных агентов. На основе законов, которые выводились из анализа и об-

общения фактов и полагались как единые для природы и общества, прогнозировался единственно возможный вариант развития событий, безальтернативное будущее для любого типа общества. Со второй половины XX века структурный функционализм и конфликтные парадигмы начали подвергаться все более решительной критике за односторонность отражения влияния социального целого на социальных субъектов. Отход от признания марксизма в качестве единственно верного и универсального учения, объясняющего мир, в целом положительно сказался на развитии социологической мысли в странах бывшего «социалистического лагеря», но далеко не все из марксистской социологии следует отбросить за ненадобностью; по крайней мере, «в двух аспектах Маркс оказался прав: в понимании решающей роли экономических факторов и в деятельностном подходе к пониманию сущности человека» [1, с. 12]. В.Ядов считает, что именно эти два принципа К.Маркса «работают» в качестве исходных посылок интегрирующей «метатеории», развиваемой разными авторами.

Интерпретативные парадигмы, в свою очередь, зачастую подвергаются справедливой критике за абсолютизацию герменевтического подхода, преувеличение роли субъективного начала и недооценку влияния социально-исторического контекста на человеческую деятельность. Действительно, неклассические теории и методологии, предполагающие социальное познание с помощью различных интерпретаций, оказались недостаточно эффективными в изучении экономических и политических реалий с нечеткими, размытыми границами. Поэтому в последнее время в социологическом теоретизировании появились и получают все большее признание так называемые интегральные (объединительные) парадигмы, представители которых анализируют социальные реалии сквозь призму единства объективного и субъективного, структуры и индивида.

Интегральные парадигмы социологического постмодерна раскрывают взаимосвязь открытых социальных структур и деятельных социальных агентов (акторов), предлагают новые (постнеклассические) методологические подходы, ориентированные на изучение самовоспроизводимых и саморегулируемых систем, на преодоление традиционной оппозиции объективного и субъективного, и знаменуют наступление качественно нового этапа в развитии социологической науки.

Конструктивистские подходы, несмотря на все расхождения их авторов, развивавших свои идеи в разные времена и в разных национальных контекстах, позволили изменить взгляды на сам предмет социологии. Ныне это уже и не общество, и не индивиды, появляющиеся как отдельные целостности, а отношения между субъектами (коллективными и индивидуальными), причем отношения в широком смысле, а не только интеракции в ситуациях «лицом к лицу», а также объективированные миры, которые эти субъекты создают и которые служат им основаниями конституирования социальных явлений и их собственных идентитетов. Этот подход предполагает изучение и осознание множественных субъектов одновременно как продуктов и производителей разнообразных социальных отношений. Методологически здесь можно выделить не только *интерсубъективное* измерение (или уровень связи между субъектами) социальной реальности, но и *интрасубъективное*, то есть множественность идентичностей, конституирующих того же субъекта, его многочисленные образы.

Структура социальной ментальности имеет сложный и внутренне противоречивый характер. Она включает явные и неявные, истинные и ошибочные (псевдореальные), сознательные и бессознательные формы. Менталитет содержит в себе то общее, что лежит в основе как сознательного, так и бессознательного, как логического, так и эмоционального, то есть это — глубинный источник мышления, идеологии и веры, чувства и эмоций, теснейшим образом связанный с детерминацией повседневной жизни человека. Поэтому при анализе процессов социальной трансформации, происходящих в постсоветском пространстве, в том числе изменений в индивидуальном и массовом сознании населения Украины, необходимо изучать не только явные и осмысленные, ценностно-нормативные представления людей о себе, о своем месте в обществе, но и структуры, относящиеся к социальному бессознательному (иррациональные ожидания, интуитивно-чувственные образы мира, возникающие у членов общности и существующие в форме религиозных и нерелигиозных верований и мифов, культовых и светских ритуалов, традиций и обрядов, сохраняющихся в коллективной памяти рода, и т.п.). За сознательными и рациональными формами культуры разнообразных общностей, за осознаваемыми и явными образами и представлениями людей скрыты более глубокие пласты коллективной психики, связанные с бессознательными структурами и выраженные в символической (прежде всего языковой) форме; они требуют изучения и со стороны социологии. Иначе многие неявные (латентные), спонтанные и неосознаваемые формы поведения субъектов социальной жизни не получат соответствующей интерпретации и будут выпадать из сферы научного анализа, что существенно обедняет его.

Духовная жизнь человека охватывает формирование универсальных ментальных систем мировосприятия и мирообъяснения, не совпадающих с теоретическими — научными или философскими, однако детерминирующими его повседневное социальное поведение. Символы же выступают обозначениями этих универсальных ментальных систем. Изучив символический порядок ментальности и мировосприятия субъекта, можно апеллировать к любым его ценностям и мировоззренческим структурам и таким образом влиять на социальное поведение индивидов.

В бытии человека существует как бы изначально заданное драматичное противоречие между физической дискретностью, оторванностью его от других людей, объектов мира и глубинным стремлением восстановить свою тотальность и целостность, соединившись с миром; слиться с ним в единое целое, сохранив при этом собственную индивидуальность, самого себя. С этим стремлением связан феномен человеческого инобытия (такой формы существования субъекта, когда он оставляет следы своей уникальной личности, индивидуальности в других людях, предметах, вещах, произведениях искусства). Иначе говоря, здесь мы соприкасаемся с проблемой существования человека в отличных от него носителях, с проблемой многократного умножения жизни индивидуальности, множественности жизненных миров человека, благодаря трансляции им неких важных и личностно значимых сгустков его жизни в окружающий мир. Обратная сторона инобытия заключается в том, что каждый человек, каждый предмет, вещь содержат в себе следы, отпечатки чьих-то переживаний, мыслей, ценностных ориентаций и т.п.

Проблема человеческого инобытия так или иначе постоянно пребывает в фокусе внимания различных представителей социогуманитарных наук. Она

отражена в концепциях превращенных форм М.Мамардашвили; личностных вкладов и отраженной субъектности А.Петровского и В.Петровского; образа мира А.Леонтьева и психологии смысла Д.Леонтьева; экзистенционального анализа В.Франкла; трансперсональной психологии С.Грофа; представителей феноменологической социологии и этнометодологии и др.

Опыт многих теоретических построений в истории социогуманитарного знания, таких как осуществленный К.Марксом анализ явлений экономического сознания и идеологии капитализма, психоанализ З.Фрейда, концепция архетипов К.-Г.Юнга, современные исследования мифологий и символизма и т.п., обусловил возникновение неклассического понимания причинности в пределах описания целого ряда сложных эмпирических явлений в разных сферах человеческой жизнедеятельности. Речь идет о допущении каузальности особого рода детерминизма, а значит, об отличном от классического типе обобщения самих основ причинно-следственного описания предмета исследования. Другими словами, в концептуальном аппарате гуманитарных наук возникла необходимость в конструировании специального оператора, обозначающего особую онтологическую реальность — “превращенные объекты”, или “превращенные формы” — и вводящего их в множество объектов любой теории, описывающей человеческую реальность (историческую, социальную, психологическую).

Термин “превращенная форма” ввел в научный и философский оборот К.Маркс, применяя его для характеристики построения и способа функционирования сложных систем связей (он называл их “органичными” целостностями), которые предстают в особых формах своего действительного существования [5, с. 478]. Примером такой превращенной формы у Маркса служит капитализированная стоимость в системе буржуазной экономики, обнаруживающая “способность” к самовозрастанию. Это — типичный случай иррациональной превращенной формы, когда вещь наделяют свойствами общественных отношений, взятыми вне связи с человеческой деятельностью. Превращенная форма, таким образом, имеет самостоятельное бытование в виде отдельного, качественно целостного явления или предмета наряду с другими. И именно поэтому превращенная форма очевидным и практически достоверным образом оказывается исходной точкой отсчета при анализе свойств функционирования системы в целом, особым неразложимым далее образованием, “субстанцией” наблюдаемых свойств.

В этой связи трудно переоценить значение и актуальность для социологии концепции превращенных форм, разработанной в философии М.Мамардашвили [см.: 6, с. 269–282]. Согласно его взглядам, превращенные формы могут быть поняты и описаны, если в анализе сохраняется вся парадоксальность их бытийных эффектов. Это предполагает, в свою очередь, расширение объективного описания сущностных отношений, то есть учет и той сферы, где действие наблюдения и действие содержания наблюдения становятся сопоставимыми как части единого действия системы, которая включает наблюдателя-субъекта. Особенность превращенных форм заключается в том, что формы проявления получают здесь самостоятельное сущностное значение, обособляются, а содержание явления заменяется другим отношением, сливающимся со свойствами материального носителя самой формы (например, в случае символизма) и занимающим место действительного отношения. В отличие от классического отношения формы и со-

держания, прямое отражение содержания в форме в этом случае исключается. Видимая форма действительного отношения отлична от его внутренних связей, играет (в силу ее обособленности и бытийности) роль самостоятельного механизма в управлении реальными процессами. Продукты такой трансформации являются для субъекта не просто частью его субъективного мира; они выступают вполне самостоятельными и обособленными в пространстве и времени предметами, образующими особый мир субъективной реальности. Эти “видимости” предстают как формы освоения действительности, как опредмеченные представления, ставшие знаками социальных, жизненных значений и функционирующие неотделимо и независимо от связей, обусловивших их создание. Они служат исходными регулирующими, программирующими моментами во всем комплексе человеческих реакций, образуя в целом образно-символическое пространство жизни.

В таком качестве эти превращенные формы обнаруживают четкую тенденцию к образованию систем, полностью связанных, последовательных и логичных, хотя и содержат глубоко фетишистские предпосылки. В культуре в широком смысле таковыми являются символические конструкции, например заданная символом бескорыстной любви или чистой веры. Подобные конструкции существуют как метафоры, как символические построения, заменяющие реальные предметы действительности, но выступающие при этом как формообразования со своим особым предметным содержанием.

Таким образом, обращаясь к превращенным формам, важно зафиксировать, во-первых, то, что они заполняют и замещают в образно-символическом континууме формы систем связей, существующие реально и независимо от человеческого сознания; во-вторых, то, что они при этом являются качественно новыми и вполне дискретными феноменами, в которых промежуточные звенья “сжались”, “свернулись” в особый функциональный орган, которому присуща квазисубстанциональность. Это реальное существование предметов вне их исходных связей, которые не могут осуществляться в своем настоящем виде, поскольку они (эти исходные связи) изъяты, стерты, отсечены (например, в результате того, что З.Фрейд называл “переобозначением” предмета, находящегося в слишком большом, избыточном для конкретной ситуации количестве связей), замещены новыми отношениями, которые обеспечивают инобытие предметов в формах субъективной реальности.

Подобная трансформация действительных связей в сознании субъекта происходит в процессе конкретной интерпретации структуры превращенной формы. Отсюда следует применимость понятия превращенной формы к явлениям бессознательного. Например, в психике — к так называемому “вытеснению” и сублимации, к бессознательным языковым явлениям, к глубоко личностным семантическим структурам и т.п. В условиях трансформации действительных связей предмет начинает осуществлять самостоятельный цикл движения, заполняя эти “пробелы” (пропущенные звенья) квазисубстанциональными определениями.

Исследования З.Фрейда наглядно продемонстрировали, что возникающие связи замещаются продуктами символической переработки, что очень похоже (по логике действия и характеру использования вещного материала) на функционирование мифологического сознания. Те же самые свойства квазипредмета задают каузальные последовательности в структуре связей выражения превращенной формы. Тот же самый феномен заполненного (перера-

ботанного, “перераспределенного”) целого воссоздается в явлениях символики социального и символики бессознательного (сновидения, психоневрозы и т.п.). Употребляя те или иные лингвистические формы, субъекты думают о высказываемом содержании, а не об их строении и законах. Снятость этих законов в сознании компенсируется особыми вставками, замещается произвольными конструкциями — отождествлениями знаков и предметов, что позволяет субъектам перевести целые пласты языковой деятельности в область лингвистических автоматизмов — то есть символов.

В таком понимании субъективная истина означает не нечто ошибочное, не являющееся объективно истинным, а есть проявлением решающей роли человеческих отношений, субъективного начала в тех или иных жизненных ситуациях. Невозможно не согласиться с С.Кьеркегором в том, что научные аргументы независимо от способа их проверки никогда не будут иметь решающего значения в этической и религиозной сферах. Именно в этих сферах человеческого бытия субъективная истина имеет решающее значение для мотивации поведения и принятия решений. Здесь объективное состояние дел не является источником аргументов, которые могут быть использованы для решения жизненных проблем, а на передний план выступают внутренние жизненные установки, выражающие субъективное, предубежденное отношение человека к жизни. События и процессы как внешнего, так и внутреннего мира, преломляясь сквозь систему индивидуальных отношений субъекта, образуют содержательно-смысловое поле субъективной реальности, то образно-символическое пространство, в качестве которого и через которое осмысливается бытие.

Субъективные истины придают всему, что воспринимает человек, тот или иной субъективный смысл. Без этого мир и жизнь представляли бы перед индивидом в виде хаотической смеси фактов, бесконечного и неупорядоченного многообразия событий и действий. Субъект структурирует окружающий хаос таким образом, что для него становится значимой только часть реальности. Именно это творит его мир — мир субъективных значений и смыслов, единого континуума бытия—сознания, где теряют смысл классические различения объекта и субъекта, реальности и способа ее представления, действительного и воображаемого.

Поддерживая и развивая идею сочетания объективного и субъективного начал в социологии в русле интеллектуальной традиции, заложенной У.Томасом и Ф.Знаецким, М.Вебер призывал к активному использованию “метода понимания” в социальных науках. Не случайно его основной социологический труд “Хозяйство и общество” (1921) имеет подзаголовок “Очерк понимающей социологии”. М.Вебер отмечал, что социология не должна ограничиваться перечнем общих правил, которым подчиняются социальные действия. Она должна также пытаться понять субъективные намерения и мотивы действующего лица. На следующем этапе такие субъективные намерения и цели могут рассматриваться как причины социального действия и служить основаниями для социологического причинностного объяснения.

Основоположник символического интеракционизма Дж.Г.Мид открыл для социологии богатейшие теоретико-методологические возможности символов как оснований человеческой деятельности, обеспечивающих значимое общение и взаимодействие в социальной среде. При помощи символов люди интерпретируют личностно-конкретные ситуации, в которых они

оказываются в процессе деятельности и взаимодействия, могут предвидеть последствия своих действий, определять варианты поведения в зависимости от обстоятельств.

Начиная с 80-х годов XX века в мировой социологии активизируются процессы критического переосмысления оснований именно с таких позиций. В процессе реализации попыток разными путями вырваться из круга классических антиномий в социологии складывается новое проблемное пространство, связанное с именами П.Бергера, П.Бурдье, Э.Гидденса, И.Гофмана, Т.Лукмана, Н.Элиаса и др. Оформилось перспективное научное направление, получившее название “*социальный конструктивизм*”. Суть данного направления заключается в том, что социальную реальность постигают как сконструированную, а не как “естественную”, “данную” раз и навсегда. Под этим углом зрения заново прочитывались классики социологии, анализировались труды современных авторов, разрабатывались новые области исследования.

С конструктивистской точки зрения, социальную реальность постигают как исторические и повседневные конструкции индивидуальных и коллективных акторов. Эти конструкции характеризуются определенной продолжительностью существования и не являются застывшими и неизменными во времени. Прежде всего социальный мир конструируется, исходя из прежних конструкций (предконструкций). Но в процессе действий и взаимодействий субъектов в повседневной жизни прежние социальные формы не только присваиваются и воспроизводятся, но и видоизменяются, смещаются, при этом также изобретаются новые, отличные формы. Эти действия, будучи историческими, осуществляются и объективируются в некой внешней для субъекта сфере, которая своей данностью как бы оказывает “давление” на существующее, но в то же время открывает этому существующему будущее. В таком историческом процессе социальная реальность является одновременно и объективированной, и интериоризированной. С одной стороны, социальная реальность — это объективированный мир: индивиды и группы пользуются словами (языком), предметами, установками, институтами и т.д., оставленными предшествующими поколениями, и изменяют их, создают на основании их новые слова, предметы, институты. Эти внешние (объективированные) ресурсы влияют на действия субъектов и одновременно служат точкой опоры для этих действий. С другой стороны, социальная реальность помещена в субъективный, интериоризированный мир, образованный в основном формами ощущения, восприятия, представления и познания. Социализация и обучение делают возможной интериоризацию внешних миров, а индивидуальные и коллективные практики акторов обуславливают объективацию внутренних миров, то есть речь идет о двойном движении интериоризации внешнего и экстериоризации внутреннего.

П.Бурдье определял свой вариант конструктивизма, развиваемый им с конца 70-х годов XX века, как “структуралистский конструктивизм”: “С помощью структурализма я хочу сказать, что в самом социальном мире ... существуют объективные структуры, независимые от сознания и воли агентов, способные направлять или подавлять их практики или представления. С помощью конструктивизма я хочу показать, что существует социальный генезис, с одной стороны, схем восприятия, мышления и действия, которые являются составными частями того, что я называю габитусом, а с другой

стороны, — социальных структур и, в частности, того, что я называю полями” [7, с. 181–182]. Таким образом, П.Бурдьё, во-первых, различает объективные структуры, лежащие в основе субъективных представлений и содержащие структурные принуждения, влияющие на взаимодействия, а во-вторых, подчеркивает, что “эти представления должны быть усвоены, если хотят, чтобы с ними считались, в частности, в индивидуальной или коллективной повседневной борьбе, нацеленной на трансформацию или сохранение объективных структур” [7, с. 185].

В своих теоретических построениях П.Бурдьё использует два ключевых понятия — “габитус” и “поле”. Движущая причина исторического действия, по его мнению, заключается не в субъекте, который соприкасается с объектом социальной реальности, конституированным извне, — будь то с обществом или с объектом материального мира. Эта движущая причина заключается не в сознании или вещах, а в связи между двумя состояниями социального — историей, объективированной в форме институтов, с одной стороны, и, с другой — историей, воплощенной в субъектах в форме системы устойчивых диспозиций, которые Бурдьё и называет собственно габитусом. Габитус, в его понимании, — это в определенном смысле социальные структуры нашей субъективности, которые сначала формируются благодаря первым опытам (первичный габитус), а затем — благодаря опыту взрослой жизни (вторичный габитус). Встреча габитуса и поля, или “состоявшейся истории тела” и “состоявшейся истории вещи” (по терминологии П.Бурдьё), предстает как главный механизм конструирования социального мира. Подчеркивая двойное конструктивистское движение интериоризации внешнего и экстериоризации внутреннего, П.Бурдьё пытался сделать это движение операциональным для эмпирических исследований.

В отличие от провозглашенного П.Бурдьё структуралистского конструктивизма, П.Бергер и Т.Лукман развивают идеи феноменологического конструктивизма, основы которого заложил А.Шюц. Социология А.Шюца сформировалась на стыке социологической традиции, идущей от М.Вебера, и традиции феноменологической философии Э.Гуссерля. Среди наиболее значительных в теоретической и методологической плоскостях достижений А.Шюца можно выделить следующие положения:

- умственные объекты, сконструированные исследователями в социальных науках, основаны на умственных объектах, сконструированных повседневным мышлением человека, ведущего повседневную жизнь среди себе подобных и соотносящего с ними свои действия (таким образом, конструкции, используемые исследователями в социальных науках, — это, так сказать, конструкции второго порядка, конструкции конструкций, возведенные на социальной сцене актерами, чье поведение исследователь наблюдает и пытается объяснить, придерживаясь научного метода);
- в основе научного знания социального мира лежит повседневное знание: любая интерпретация этого мира основывается на накоплениях предшествующего опыта — нашего собственного или переданного нам родителями и учителями. Этот опыт в форме имеющихся знаний функционирует в виде установочных схем;
- повседневное знание обнаруживается через свою типичность. Все то, что накапливается как опыт при восприятии объекта, переносится на

любой другой подобный объект, воспринимаемый через соотнесение его со своим типом. С помощью языка, унаследованного от предыдущих поколений, акторы осуществляют деятельность по типологизации социального мира;

- мир, на который направлено повседневное знание, предстает одновременно как мир *интерсубъективного и культурного*, поскольку это не только мой мир, но и мир всех других людей, в том числе и живших до меня. Этот мир создан значениями, накопленными в ходе истории человеческих общностей;
- ни у акторов, ни в социальном мире, в котором они участвуют, мы не находим однородности: 1) различный запас имеющихся знаний у каждого актора обусловлен особенностями личной биографии; 2) мир повседневной жизни, в свою очередь, структурирован на различные пласты реальности, а точнее — на множественные реальности.

Понятие действия Шюц рассматривает как центральное в контексте человеческого поведения, заведомо предполагаемого его актором, то есть поведения, основанного на предполагаемом проекте. С категорией проекта, ориентированного в будущее, связаны понятия сознания и мотивов [8].

С точки зрения П.Бергера и Т.Лукмана, общество предстает прежде всего как *объективная реальность*, то есть реальность, свободная от акторов, которые ее продуцируют, или, иначе, экстерииоризованная реальность и одновременно реальность объективированная (конструируемая мирами объектов, отделенных от субъектов). Именно этот двойной процесс экстерииоризации и объективации, поскольку он опирается на повседневное типологизирующее знание и на взаимодействие “лицом к лицу”, подпитывает процесс институционализации, понимаемый ими в самом широком смысле. “Институционализация имеет место везде, где осуществляется взаимная типизация опривыченных действий деятелями любого рода... Сам институт типизирует как индивидуальных деятелей, так и индивидуальные действия” [2, с. 92]. В этом случае в ходе истории с помощью феноменов кристаллизации типизаций и привычек, а также “осаждение” во времени (в частности, общих запасов знания) институты приобретают определенную прочность и стабильность. С другой стороны, в процессе развития разделения труда институты вынуждены специализироваться, а сами акторы, вследствие и в рамках развития каждого института, выполняют различные социальные роли. Институциональные универсумы для большей прочности требуют легитимаций когнитивного и одновременно нормативного характера, другими словами, символических форм, делающих возможным их познание (практическое и теоретическое) и наделяют их ценностью.

Такая конструктивистская интерпретация социальной реальности противостоит системно-функционалистским моделям (построенным в терминах “система”, “функции”, “интеграция”) в том смысле, что эта интеграция основана не собственно на институтах, а на их легитимации. И так, в пределах институтов и между институтами одного и того же общества не существует “функциональности” или “системной целостности” априори, а есть символическая работа по наделению их связностью.

Но для Бергера и Лукмана общество является также и субъективной реальностью, то есть реальностью, интерииоризованной через социализацию. Эта социализация определяется как всестороннее и последовательное

вхождение индивида в объективный мир общества или в отдельную его часть; причем первичная социализация осуществляется в течение всего детского периода и является более важной, тогда как вторичная социализация происходит в ходе дальнейшего обучения. То есть социализация, подобно институционализации, характеризуется двойным процессом сохранения и изменения. В своем анализе эти авторы особо подчеркивают разнообразие как характеристику современных контекстов, плюрализм реальностей и идентичностей в случае как объективного, так и субъективного мира.

Определяя методологические основы исследования, нельзя обойти вниманием и *взаимосвязь образа мира со смыслом* как механизм формирования образно-символического пространства жизни.

Действительное отношение субъекта к тому или иному аспекту реальности невозможно обнаружить без учета не только осознаваемых составляющих, но и тех уровней восприятия, которые аккумулируют совокупный опыт и отношение субъекта к той или иной сфере жизнедеятельности в свернутой знаково-символической форме, например в виде практически неосознаваемых и не всегда доступных вербализации смысловых образований сознания. Однако эти пласты субъективного опыта активно влияют на структуру и функционирование сознания в целом, непосредственно определяют отношение субъекта к явлениям, объектам и процессам социальной реальности и нередко оказывают даже гораздо большее влияние на регуляцию социальной активности, чем осознаваемые уровни. Языковые и символические носители смыслов имеют специфический смысл для разных социальных общностей, групп и индивидуальных субъектов и связаны с их конкретным опытом в различных сферах жизнедеятельности.

Эти обстоятельства и обусловили повышенное внимание отечественных и зарубежных исследователей в областях социологии и социальной психологии к проблеме смысловой категоризации социального мира. Понятие “образ мира” — одно из наиболее популярных и вместе с тем фундаментальных понятий для целого ряда социальных наук. Его разрабатывали в основном в контексте изучения проблем сознания (П.Флоренский, М.Бахтин, Ю.Лотман, М.Мамардашвили, С.Рубинштейн, Л.Выготский, А.Леонтьев, Д.Леонтьев, Е.Артемьева, С.Смирнов, К.Альбуханова-Славская, В.Зинченко, Б.Величковский и др.). Исследования велись по двум основным направлениям. Первое направление сконцентрировано на изучении того, как осуществляется познание и освоение человеком мира. Второе направление специализируется на исследовании смыслов существования человека в этом мире.

Введению в научный оборот и активному использованию первой из этих категорий, то есть “образа мира”, мы прежде всего обязаны А.Леонтьеву, считавшему, что “проблема восприятия должна ставиться как проблема построения в сознании индивида многомерного образа мира, образа реальности” [9, с. 6]. Термин “картина мира” в социальной психологии наиболее последовательно эксплицирован в исследовании Е.Артемьевой, в котором он понимается как структурированная совокупность образов объектов мира, систем субъективных значений [см. : 10]. Точнее говоря, это не просто образы объектов, а образы отношений к ним, синтезированные следы взаимодействий. Поэтому “картина мира” представляет собой не просто модель мира в сознании, а модель отношений к объектам мира, фиксированную в определенной точке онтогенетического развития субъекта.

Для нашего исследования крайне важно акцентировать внимание на том, что категории “образ мира” и “картина мира” позволяют рассматривать *субъективную реальность* как реальность многослойную, включающую как сознательные, так и несознательные элементы. Иными словами, образ – это результат, складывающийся в сознании субъекта; восприятие мира, которое, помимо объективных характеристик содержит и такие субъективные элементы, как эмоциональное отношение к воспринимаемому, основанное на прежнем опыте взаимодействия с ним. Субъективный прежний опыт субъекта концентрируется в “*смысловом поле*” образа мира – сложной, иерархизированной системы эмоционально-смысловых образований, которые актуализируются под влиянием стимула и сопровождают каждый акт восприятия тех объектов, относительно которых они уже сформировались. Основываясь на работах В.Петренко, “смысловое поле” образа мира можно определить как категориальную структуру сознания, то есть как систему наиболее глобальных, универсальных категорий, с помощью которых воспринимается и оценивается окружающий мир [см. : 11]. Функционирование смыслового пласта сознания, его категориальной структуры обеспечивает относительно стабильность образа мира, его инвариантность, позволяет стабилизировать процессы осуществления деятельности субъекта и вместе с тем не препятствует формированию новых содержаний и изменению картины мира под влиянием новых практик и накопления субъектом нового опыта.

Исходя из этих концептуальных предпосылок, можно констатировать, что в индивидуальном и групповом образе мира должна присутствовать целостная модель отношений к миру, связанная со спецификой деятельности группового или индивидуального субъекта относительно различных аспектов социальной реальности. Указанные методологические позиции в изучении сознания дают основания определить субъективную реальность как образ социальной реальности, присущий определенному социальному субъекту (индивидуальному или групповому). Таким образом, субъективная реальность – это целостная, устойчивая система смысловых образований, которые отражают социальные объекты, явления и процессы в сознании индивидуального или коллективного субъекта и в которых зафиксировано эмоционально-смысловое отношение к ним, основанное на прежнем опыте и опосредующее также дальнейшее восприятие и взаимодействие с объектами и явлениями социальной реальности.

Актуализация сформированных образов сопровождает каждый акт получения субъектом информации. Смысловые образования сознания существенным образом влияют на восприятие новой информации и ее оценку. Информация о тех или иных объектах и процессах социальной реальности, поступающая субъекту, пропускается сквозь систему смысловых конструкций, что обуславливает ее принятие или непринятие субъектом. В результате наделения этих объектов и процессов личностными смыслами относительно них формируются смысловые установки, влияющие на направленность и прогнозируемость поведения субъекта в значимых для него ситуациях. Смысловые структуры, регулирующие повседневную жизнь (по терминологии А.Шюца), в отличие от сферы знаний, имеют, по выражению Л.Выготского, “скрытый план”. То есть эти структуры в обычном режиме жизнедеятельности являются “свернутыми”, практически неосознаваемыми для субъекта, одновременно во многом определяя направленность его

деятельности и регулируя поведение. Поэтому сколько-нибудь эффективное направленное влияние на сознание субъекта невозможно без знания смысловых структур субъективного опыта, внутренних особенностей его мировосприятия, способов понимания окружающей реальности.

Выявляя индивидуально-смысловую основу восприятия и оценки реального мира субъектом, можно исследовать его субъективные семантические пространства в разных сферах жизнедеятельности, репрезентируя категориальную структуру сознания субъекта, или, точнее, структуру субъективного опыта. Семантическое пространство всегда “личностное”, поскольку оно всегда отражает прежний опыт субъекта, актуальные мотивы его деятельности, реальную жизненную позицию. Место объекта оценки в структуре мотивационной направленности субъекта, эмоционально-смысловое отношение к нему проявляются в том, что в процессе его семантической дифференциации в символическом пространстве обнаружатся именно те значения, которые имеют для субъекта конкретный личностный смысл. Наделению того или иного объекта личностным смыслом в каждом акте категоризации, то есть приданию ему особого значения в контексте развертывания жизнедеятельности субъекта, необходимо предшествует актуализация глубинных субъективных параметров оценки и структурирования реальности — смысловых конструкторов образа мира. (Заметим, что, в отличие от фактора, социальный конструкт имеет модальность и интерпретируется в виде биполярной диспозиции — положительное–отрицательное.)

Поскольку вся совокупность символов, играющих роль носителей культурно-исторических смыслов, практически необъятна, как и само предметное поле культуры, мы сконцентрировали внимание на структуре и динамике изменений той части образно-символического пространства, в которой закодирована информация о степени, глубине, устойчивости и другие параметры образа Украины как Родины для разных категорий и слоев ее населения.

В частности, самоопределение (государственное, национальное, политическое и т.п.) требует поиска ценностных оснований и дальнейшей их легитимации либо для утверждения новых идентичностей, либо для поддержки уже существующих. Изменения и преобразования, происходящие в современной Украине и сопровождающиеся разрушением прежних идентичностей, по-разному воспринимают как общество в целом, так и различные социальные группы, слои, отдельные граждане. Происходит активный поиск (конструирование) новых идентичностей, способных в условиях трансформации выполнять интегративную и катализационную функции в поступательном развитии общества. Поэтому, к примеру, вопрос о патриотизме как важном способе интегрирования общества и укрепления государственности в Украине приобретает особую остроту. Образ нового (будущего) общества инициаторы преобразований рисуют в самых привлекательных тонах, а лейтмотивом общественных изменений выступает стремление, так сказать, “на равных” войти в сообщество “нормальных” европейских стран, развитых демократических государств.

Не удивительно, что в условиях провозглашения такой общеидеологической тенденции в украинском обществе произошли определенные изменения, свидетельствующие о переоценке культурных ценностей предшествующих поколений, нарушении преемственности в передаче социокультурного опыта. Итак, на что привычное, устоявшееся, несомненное может

сегодня “опираться” рядовой человек, живущий в Украине, в поисках своего самоопределения, утверждения себя в мире провозглашенных свобод и возможностей?

Первая попытка изучить этот аспект проблемы эмпирическим путем была предпринята во время совместного опроса, проведенного Институтом социологии НАН Украины и фирмой “Социс-Геллап” осенью 2001 года (N = 1200, выборка репрезентирует население Украины по социально-демографическим и образовательным признакам). Респондентам был предложен открытый вопрос: “Что Вы считаете самым большим достижением Украины за 10 лет?”, с помощью которого мы намеревались получить материал не столько для количественного, сколько для содержательного анализа ассоциативных связей развития суверенного украинского государства с конкретными социальными явлениями, событиями и процессами.

Как и предполагалось, спектр ответов отличался чрезвычайным разнообразием. С некоторой долей условности можно сгруппировать их по смыслу в такие подмножества, как *экономическая* (чаще всего респонденты вспоминают приватизацию, распаивание земли, фермерство, введение гривны, предпринимательство, возможность иметь собственный бизнес и т.п.), *социально-политическая* (демократизация, свобода слова, СМИ, выборов, выезда за границу, многопартийность, *разрушение* коммунистической системы), внешнеполитическая (суверенитет, независимость, международный авторитет Украины, интеграция в Европу и т.п.) сферы, государственное строительство (Конституция, новое законодательство, свое государство, армия, символика, укрепление власти, уменьшение количества преступных группировок), *духовная* сфера (возрождение национальных традиций, языка, религии, подъем науки и образования, изменение ментальности, образа мышления, вера в себя, возможности самореализации, компьютеризация, Интернет и т.п.), *отдельные конкретные события* (заккрытие ЧАЭС, реконструкция железнодорожного вокзала в Киеве, приезд Папы Римского, “новая прическа” Кучмы, победы киевского “Динамо” и т.п.), *антидостижения* (безработица, трудная жизнь народа, низкий уровень жизни, развал экономики, коррупция, наркотики, произвол, преступность, рост смертности). Привлекает внимание также разномасштабность указанных респондентами примет и символов украинской действительности. В частности, высказывания, квалифицированные нами как экономические по смыслу, варьируют от “введения частной собственности” до “выплаты пенсионных долгов” или “огромного выбора продуктов питания”. И несмотря на перепады в массовом сознании уровней обобщения социальных событий и процессов, символизирующих состояние и наиболее характерные черты бытия нашей Родины, указанное исследование позволило очертить тот круг, в пределах которого находится вся совокупность соответствующих символов.

Далее, анализируя результаты общеукраинского мониторинга 2002 и 2003 годов, данные других эмпирических исследований Института социологии НАН Украины, мы исходили из предположения, что ценности и нормы, существующие в сознании респондентов и выявленные в процессе этих исследований, дают определенное представление о том, как широкие слои населения оценивают современное украинское общество, как соотносят себя с окружающей действительностью, имеют ли возможность реализоваться в ней. Одной из задач мониторингового исследования 2003 года было

изучение различных образов Украины, то есть представлений о ней, функционирующих в массовом сознании, с точки зрения осознания феномена патриотического самоопределения — неотъемлемой составляющей национального менталитета.

Респондентам, в частности, предлагали из перечня слов, которыми можно вкратце охарактеризовать состояние общества, выбрать те, которые точнее всего отвечают их собственным представлениям о современном украинском обществе. В “лидеры” по частоте выборов вышли негативные характеристики — “бедность” (62,4%); “разруха” (44,7%); “тупик” (23,0%). На положительном полюсе больше остальных “набрали” такие характеристики, как “богатство” (5,5%), “перспектива” (5,3%) и “свобода” (4,7%).

Что касается проблемы выбора пути развития Украины, как его понимают ее граждане, то здесь картина такая. Четко определились относительно направления, в котором следовало бы двигаться общественным преобразованием, 36,3% населения, из них сторонников социализма — 25,7%; капиталистического пути развития — 10,6%. Вместе с тем 22,3% украинцев не поддерживают ни того, ни другого пути; 23,4% признают, что им фактически все равно, какой общественный строй будет в Украине; 16,0% не определились. Здесь важно выяснить, что думает по этому поводу молодежь — будущее страны. 25,7% молодых людей высказались вполне определенно: 9,0% — за социализм; 16,7% — за капитализм; 29,4% не поддерживают ни один из них; 20,9% молодых людей поддерживают и тот, и другой, то есть им безразлично; 22,3% не определились. Это практически первое поколение молодежи, у которого реальные представления о социализме как о типе общественных отношений и способе производства — крайне неопределенные или вообще отсутствуют, поскольку их детство и юность совпали с периодом становления постсоветского украинского государства.

Делает ли тем самым молодежь выбор в пользу капитализма? Ответить однозначно вряд ли можно на основании полученных данных, но, во всяком случае, у молодежи уже нет той, характерной для старшего поколения социально-нравственной настороженности по отношению к богатству вообще и к имущественной дифференциации. Представления об экономическом будущем Украины у молодых людей значительно отличаются от соответствующих представлений других возрастных категорий, а количественные показатели по этой группе отличаются и от средних данных в сторону увеличения приверженцев “капитализации”.

Неопределенность пути, осознание резкого диссонанса между провозглашаемыми различными политическими лидерами программами будущего экономического развития Украины характеризуют массовое сознание большинства граждан всех возрастных категорий. Ориентации на Запад в течение последних лет если и не слишком ослабли, то по крайней мере утратили четко очерченную приоритетность в общественном мнении (только 10,7% граждан склоняются к тому, что Украина прежде всего должна устанавливать связи с развитыми странами Запада, тогда как 21,2% считают, что в первую очередь следует опираться на собственные ресурсы). Наиболее популярна среди населения идея создания восточнославянского союза (34,4%); 9,8% главную задачу усматривают в сотрудничестве с Россией. непонятно только, кто станет субъектом реализации этих задач, ведь ведущая роль в обществе ныне, как, впрочем, и в течение нескольких предшествую-

щих лет, принадлежит, согласно распространенным среди населения оценкам, криминалитету (так считали 42,7% опрошенных в 1998 году и 38,3% — в 2002-м; по данным 2003 года вновь наметилось усиление этой тенденции — 42,7%). Роль предпринимателей и бизнесменов в жизни украинского общества по сравнению с 2002 годом оценивается так же, как и раньше (28,0%). А роль бывших основных классов (рабочих и крестьян), а также военных по сравнению с тем же 2002 годом оценивается почти в полтора раза ниже, тогда как роль интеллигенции и пенсионеров за это же время снизилась в глазах респондентов еще в большей степени (в 1,7 и 2,4 раза соответственно).

Не оправдываются и надежды на сильных политических лидеров, способных вывести страну из кризиса, поскольку, по мнению многих граждан, отсутствуют реальные авторитетные фигуры, способные эффективно руководить страной. Негативного мнения насчет наличия в Украине таких людей придерживаются 39,9% населения, положительного — 23,6%. Хотя традиционные для славянского менталитета надежды на то, что несколько сильных лидеров государственного масштаба могли бы сделать очень много полезного для общества, выражает едва ли не половина украинцев (47,3%). Значительное разочарование в механизме многопартийности как демократическом институте высказали 45,3% опрошенных (ответ — “не нужна вообще”). Зафиксирован также рост недоверия к политическим партиям и движениям: если в 2002 году 32,4% опрошенных считали, что в Украине есть политические партии и движения, которым можно верить, а 27,5% ответили отрицательно, то в 2003-м утвердительных ответов стало намного меньше — 23,0%, а негативных, наоборот, больше — 35,9%. Можно высказать предположение, что это реакция массового сознания на малопродуктивное противостояние в парламенте нестойкого большинства и оппозиции, наблюдавшееся в течение последнего года; реакция, подогреваемая к тому же критической интерпретацией СМИ. Однако существенное снижение авторитета всех без исключения действующих сил и лиц на украинской политической сцене остается бесспорным.

Впрочем, несмотря на распространенное недовольство своим положением в обществе (61,7% населения недовольны своим статусом, и только 11,2% относят себя к удовлетворенной части общества по этому показателю), у людей не наблюдается усиления желания лично участвовать в акциях протеста и неповиновения, заниматься активной общественной работой (как и в прошлые годы, к этому готова только треть граждан), хотя осознание необходимости активно протестовать против ухудшения условий жизни в целом возрастает. При этом недовольных своей жизнью в целом оказалось меньше, чем тех, кто недоволен своим социальным положением. Недовольны своей жизнью 56,4% наших соотечественников, а удовлетворены 18,6%. Неопределенных в этом вопросе также оказалось относительно немного.

Тем не менее на этом не слишком благоприятном для формирования и укрепления патриотических чувств фоне основной формой осознания идентичности все-таки остается идентичность гражданская. 41,1% жителей страны считают себя прежде всего гражданами Украины (у молодежи этот показатель еще выше — 48,5%); просто жителями того или иного населенного пункта (географическая идентификация) — 32,3% (25,0% — в молодежной среде). Региональное самоопределение зафиксировано в пределах 5,0%, включая и молодежь. Этническая, национальная идентичность выражена очень слабо — 2,5%

(среди молодежи — 3,6%). Неумолимо слабеет “ностальгия по СССР” — считают себя советскими людьми 13,1% (среди молодежи — 5,8%).

Что касается основных ценностей, то на первые места по важности, как и следовало ожидать, вышли: здоровье — 98,7%; материальное благополучие — 96,8%; крепкая семья — 96,7%; благополучие детей — 94,3%. Это и понятно, ведь большинство людей в Украине сосредоточены непосредственно на повседневных проблемах выживания в это сложное и суровое время. Они стремятся к той культуре и ценностям, которые помогут им выстоять и добиться успеха: прежде всего это интересная работа — 83,8%; независимость в делах, суждениях и поступках (71,9%); повышение образовательного уровня — 79,1%; расширение культурного кругозора и доступ к культурным ценностям — 70,7%. Личные свободы и “демократические достижения” в виде свободы слова ценят 68,8% украинцев; свободу предпринимательской инициативы — 51,8%; возможности критиковать и контролировать власть — 49,1%. Наконец, ценности гражданские, государственно-демократические: национально-культурное возрождение считают важным и очень важным условием жизни 73,9% граждан; демократическое развитие страны — 65,4%; государственную независимость страны — 74,0%. Меньше, чем можно было ожидать, приверженцев имеет характерная для советских времен ориентация на отсутствие значительной имущественной дифференциации, деления общества на богатых и бедных, высшие и низшие слои (54,9%). То есть можно констатировать снижение по сравнению с теми временами напряженности по поводу чужого богатства и постепенный отход от представлений о социальной справедливости как уравниловке. Тем самым готовится почва для восприятия имущественного неравенства в обществе как нормы. При этом создание в обществе равных для всех стартовых возможностей воспринимается как одна из важнейших ценностей (84,9%). Стабильно высокими остаются ценности общественного признания и благоприятной нравственно-психологической атмосферы в обществе (86,4% и 83,1% соответственно). Ниже всего оцениваются возможности участия в религиозных отправлениях (35,6%) и в деятельности политических партий и общественных организаций (21,2%).

Из-за отсутствия у государства выразительных и поддерживаемых всеми целей общественного развития, которые не только мобилизуют отдельные слои, но и играют роль общеинтеграционных ценностей и идеалов, люди утрачивают ощущение Родины. Мы живем, “под собой не чувствуя страны”, лишены прежней и еще не нашедшие новой ипостаси причастности к ее прошлому, новой гражданской ответственности за день сегодняшний и грядущий. Очередной всплеск социального разочарования сказался в том, что всего 76,3% населения воспринимают Украину как свою Родину (для молодежи этот показатель еще ниже — 71,7%). Напомним, что в 2002 году — году парламентских выборов и предвыборных обещаний — этот показатель составлял 84,2%. Негативный ответ относительно идентификации Украины как Родины в 2003 году дали 6,4% опрошенных, тогда как в 2002-м — только 4,1%. Среди молодежи этот показатель в 2003 году составлял 9,0%.

Если выделить группу людей, сознательно декларирующих приоритет своей гражданской идентичности, то есть прежде всего считающих себя гражданами Украины, то распределение здесь будет выглядеть по-другому. Признали, что воспринимают Украину как свою Родину уже 87,0%; не опре-

делились 9,3%; негативно ответили 2,9% тех, кто принадлежит к этой группе. На прямой вопрос о том, в какой мере человек может гордиться своим украинским гражданством, было получено 34,1% утвердительных ответов (“скорее горжусь”, “очень горжусь”), а среди молодых участников опроса — 27,8%. Не смогли ответить на этот вопрос 40,7% респондентов; среди молодежи — 44,5%. Не гордятся своей принадлежностью к украинскому гражданству 25,1% участников опроса 2003 года и 27,2% молодых людей. Аналогичный контрольный вопрос о чувствах, которые испытывает человек в связи со своим украинским гражданством, но предложенный не отдельно, а в группе других вопросов, дает несколько иную картину ответов. Ныне только для 15,2% украинцев приоритетным среди социальных чувств является гордость тем, что они — граждане своей страны. Намного чаще они (27,9%) отмечают чувство собственной ответственности за свою жизнь, являющееся более индивидуализированным и характерным для космополитической жизнотворческой модели “self-made man”.

Попробуем выяснить, из чего складывается образ Родины, какие составляющие этого образа поддерживают гордость за Родину, а какие сегодня девальвировались. Как мы уже убедились, содержание образа Родины отличается у среднестатистического индивида и у человека с выраженным гражданским идентитетом. Не менее важным измерением являются социально-пространственные представления. Социально-топологические координаты, топос — центральное понятие обычного человека в определении Родины. В частности, место, где родился и вырос, стало основной характеристикой в понятии Родины для 58,7% граждан Украины; место, где в данное время проживаю, — для 30,3%; родная земля, территория — для 19,2%, а вот государственная принадлежность — лишь для 18,7 %.

Вторая по весомости группа факторов, определяющих образ Родины, — язык и культура, а также родная природа: родной язык “набирает” 29,2%; народные обычаи, обряды, песни — 27,3%; родная природа — 21,1%; особенности национального характера — 6,2%.

Третья группа факторов связана с генезисом национального культурного наследия: историческое прошлое — 11,8%; памятные места — 10,8%; религия — 5,6%; выдающиеся деятели народа — 2,0%; национальные символы — 6,8%.

Содержательная наполненность образа Родины отличается в мировоззренческих ориентациях различных групп населения. Для человека с четко выраженной гражданской позицией значимые расхождения проявляются в большем удельном весе родного языка (34,1%); государственной принадлежности (24,6%); большее значение уделяется символике (9,7%). И, наоборот, место жительства имеет сравнительно меньшее значение (26,5%). У такого человека гордость за свою Родину возникает в том случае, если это — независимая (28,6%), со славной историей (28,3%), богатая, процветающая страна (26,1%); уважающее права человека (22,7%) и пользующееся международным авторитетом (20,0%) демократическое государство (12,3%). Для этой группы характерен самый низкий уровень неопределенности, безразличия, неответов.

Люди, идентифицирующие себя просто как жители того или иного населенного пункта, имеют несколько иную структуру ценностей, которые оказываются основными при формировании чувства гордости за свою страну.

Для них менее значимыми, чем для людей с выраженным гражданским идентитетом, являются такие характеристики, как независимость и демократичность страны, не так важно уважение со стороны других стран и могущество государства. Они вдвое чаще затрудняются объяснить свои симпатии или отвечают “мне безразлично”. Самый характерный ответ в этой группе — “это — моя страна” (51,7%).

В различные исторические периоды меняются как доли различных мотивационных факторов восприятия образа Родины, его оценка, содержание и место в мировоззренческой картине мира, так и иерархия ценностных ориентаций в процессе формирования этого образа. Это, в свою очередь, обуславливает трансформацию соответствующих массовых (коллективных) представлений, которые, однако, зачастую непосредственно связаны с устоявшимися интериоризованными феноменами повседневной жизни.

Подводя итог, можно констатировать, что пока украинское общество не имеет культурно-исторического опыта передачи последующим поколениям самостоятельно осознанных и пережитых идеалов, цивилизованных норм общественной жизни, демократических традиций. Предшествующий опыт времен СССР оказывается не всегда пригодным (а то и вовсе неприемлемым) для жизни по цивилизованным принципам.

Недоверие народа к государству и отдельным властным институтам, неминуемо отражающееся на отношении к Украине как Родине, остается сегодня наиболее характерным признаком состояния массового сознания в Украине. Только в условиях восстановления доверия, что достигается не громкими лозунгами, а повседневным кропотливым трудом возможно сближение номинального образа Родины с реальными символами ее реалий.

Литература

1. Ядов В.А. Социальная теория в поисках выхода из кризисного состояния // Социология. — 1998. — № 3. — С.11–14.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. — М., 1995.
3. Berger P., Kellner H. Sociology Reinterpreted : An Essay on Method and Vocation. — N.Y., 1981.
4. Томас У., Знанецкий Ф. Методологические заметки // Американская социологическая мысль : Тексты. — М., 1994. — С. 335–357.
5. Маркс К. Доход и его источники. Вульгарная политическая экономия // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — Т. 26. — Ч. 3. — С. 471–568.
6. Мамардашвили М. Превращенные формы (О необходимости иррациональных выражений) // Мамардашвили М. Как я понимаю философию. — М., 1992. — С. 269–282.
7. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Бурдьё П. Начала. Choses dites. — М., 1994. — С. 181–207.
8. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. — М., 2003.
9. Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. — 1979. — № 2. — С. 3–13.
10. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. — М., 1999.
11. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. — Смоленск, 1997.